

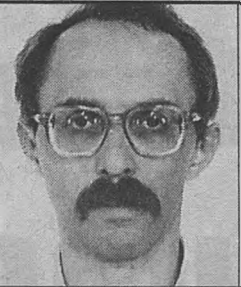
Новая волна.

Концерт Ермена Анти проходит на квартире в районе метро «Проспект Мира». Последний раз я был на квартирном концерте лет двадцать назад и считал, что они давно уже отмерли, оставив по себе воспоминание о старых друзьях и выпитом вине. По дороге я покупаю бутылку крымского портвейна и прячу ее в сумку.

Ничего подобного. Лифт неустанно мотается снизу вверх и сверху вниз, доставляя все новых людей. У входа в квартиру двое улыбающихся парней собирают по сто рублей с каждого входящего. Пол в прихожей, как в мечети или японском чайном домике, заставлен десятками пар обуви. Квартира находится в последней стадии разрушения. Обои ободраны, кое-где на стенах видны пожелтевшие остатки старых газет. Пространство между шкафом и потолком набито коробками. Голые лампочки свисают с потолка на шнурах, у электрических коробок сорваны крышки, и оттуда торчат комки проводов. В углу стоит огромная бутылка из-под виски Johnnie Walker с отбитым горлышком. На бутылке написано: «На вредные привычки», и дно ее покрыто толстым слоем мелочи.

В большой комнате, накрытый зонтиком, стоит прожектор. Людей уже так много, что не протолкнуться. Одни сидят на диванах, поставленных вдоль стен, причем сидят в два яруса: на самом диване и на его спинке. Другие лежат на полу, как на лужке, в живописных позах, подперев головы руками. На стене висит флаг новой нации: американские звезды и полосы, посреди которых красуется лицо Джима Моррисона. Звездочек на флаге меньше, чем надо: кто-то стер их, по своему усмотрению выведя из состава США пяток штатов.

Вдруг входит серо-белый кот и царственно ложится на бок прямо перед предназначенным Ермену диваном.



Алексей ПОЛИКОВСКИЙ, обозреватель «Новой»

Ермен Анти — лидер группы «Адаптация», чьи песни расходятся по стране на дисках и кассетах, выпущенных компанией «Выгород», весь штат которой состоит из одного человека. «Адаптация» начинала как панк-команда, но постепенно перемахнула рамки стиля: последний альбом «Так горит степь» — это уже не панк и даже не всегда рок, это просто музыка, в которой дышит страна. Это музыка, в которой панк странным образом сплетается с лирической советской песней, а гитара звучит то остро, как разбитое стекло, то влажно, как дождь в дачном поселке.

Тексты Ермена способны задать загадку десятку университетских профессоров — времена в них путаются, как в потоке сознания сбрендившего сюрреалиста, география сползает по карте, как шагрень на коже, а по обнажившимся пространствам сплошной стеной идет пожар в степи. Сам он не всегда понимает, куда его ведет наитие. «Дети Геббельса видят сны», — шепотом он однажды. Я спрашиваю его: «О чем это? Ведь Геббельс убил своих детей. Какие же сны они видят?». Он не знает, не может объяснить небытие, которому снится другое небытие.

Ермен окончил Актобинский университет, факультет русского языка и литературы, но учителем в школе не работал ни дня. Некоторое время он проработал сторожем на складе и корректором в городской газете. Когда газета закрылась, он потерял работу, но был только рад этому. Панк-роком в России на жизнь заработать невозможно, поэтому в Актобинске он занимается частным извозом на собственной «десятке».

Рабочий день панка-таксиста начинается в восемь утра и заканчивается в полдень. После обеда он репетирует с группой в красном уголке заводского общежития. Завод как фон жизни вообще важен для него. «Я вырос среди рабочих пацанов. Я ощущаю себя в этой среде довольно нормально», — говорит он. Его отец всю жизнь проработал на заводе ферросплавов, и на одном разваливающемся заводе, в заводском ДК, он украл первую в своей жизни гитару. Это было в конце советской эпохи, когда хорошие гитары были дефицитом, а тут — знаменитая гдзэровская «Музима де люкс 25», невеста каким-то образом занесенная в Актобинск. Он не чувствует вины за то, что свое давнее воровство: «Если бы я ее тогда не взял, кто-нибудь за пульт бы ее все равно продал».

Ермен начинает. С бутылкой коньяка «Казахстан» в руке он проходит через набитую людьми комнату так, словно ему дан дар бестелесного перемещения. Он в черной, отливашей синим джинсовой куртке, под которой надета пестрая ковбойка, и в джинсах. На воротнике ковбойки висят черные очки. Гитара у него красноватая. Он начинает без предисловий, с деловым и отрешенным видом, как шофер грузовика, в очередной раз урюмо берущийся за рычаги.

Его песни — энергия в чистом виде. Неважно, поет он один под гитару или со своей группой, в электричестве — этот сносящий крышу, уносящий как ветер, сшибающий с ног драйв есть всегда. Сейчас он сидит в разбомбленной квартире в центре Москвы, на продавленном пыльном диване, помнящем пьяные сны и любовные соития советской эпохи, и кисть его правой руки бьется о гриф, и застежка молнии на рукаве мечется как сумасшедшая.

Мощная энергия прет из него, расширяет его легкие, заставляет пульсировать горло. В промежутке между словами он ртом хватается воздух, как рыба. Ему тяжело, он выпалкивает песню из груди, как застрявшую там воздушную пробку. Звук на мгновение застревает в его глотке, и тогда он делает круговое движение головой, высвобождая себя.

Он неподвижен на этом древнем пыльном диване, и только его круглая узкоглазая

голова с прилипшими ко лбу черными прядями подпрыгивает и пляшет на плечах, как мяч на легкой волне. Веки его взлетают, и белки глаз вдруг сердито взблескивают.

После первой песни публика аплодирует. Кот испуганно сбегае под диван, а его место радостно занимает рыжеволосый парень. После второй песни Ермен уже весь в поту. Рефлекторным быстрым движением он ладонью вытирает пот с носа и тут же трет ладонь о колено. Это жест работяги, изнемогающего от работы, а не картинного певца, думающего о том, как он выглядит. И, допев песню до конца, он отхлебывает коньяк и пальцем смахивает каплю с губы, прежде чем петь дальше.

родных электричках, то ли старший научный сотрудник в институте всемирной истории.

Кто они, эти люди, ноябрьским вечером набившиеся в московскую квартиру, где поет свои песни странный пришелец из азиатских степей, в сознании которого мешаются казахский и английский? (Песню «Алдар Косе», историческую, как крик ста напуганных девиц, он поет по-казахски, а про панк-сообщество говорит: «наша formation».) Может быть, это новый городской пролетариат, в среде которого вызревают эзотерические идеи; может, все эти люди (у парня в красном свитере носки порваны на пятке, но он этого совершенно не стесняется) — подпольщики новой классовой войны, предпочитающие сумрак окраин

его резкая, злая музыка. «Мы выросли в советское время. И тут все это начало резко ломаться. Нищета. Мы ездили на гастрол, и бывало, что нас кидали в других городах. Нам приходилось в Алма-Ате неделями жить по чердакам и подвалам, зарабатывать деньги на обратный билет».

Я спрашиваю его о холоде и голоде, про которые он поет в своих песнях. «Актобинск находится в степи. У нас зимой холоднее, чем в Сибири. Из степи дуют ветры. Ребята-панки по 18 — 20 лет, мы целыми днями шлялись, утром выходили из дома, вечером возвращались. Приходилось в подъездах греться. Или в общественном транспорте».

«Голод не в том смысле, что охота поесть, а в том смысле, что ты постоянно ощущаешь нехватку того, что мир тебе не дает. Хотел бы, чтобы это было, а этого нет». — «Чего нет? Чего мир вам лично не дает?» — «Как сказать, чтобы не выразиться пафосно и не соврать... — он медлит с ответом. — У меня в песне есть такая строчка: оттого что я знаю, что все могло быть по-другому. Не так, как есть».

реть телевизор, в котором пляшут и поют пластмассовые уроды, — подкатывает тошнота.

«Ермен, а Ермен, — робко говорит ему парень в сером свитере, сам серый, как первая утренняя смена. — «Аврору» спой, а...». Ермен не просто не отвечает, он даже не видит парня — на своем пыльном диване он как будто застыл в кокон чистой энергии, отрешенный, страдающий и злой, с красноватой гитарой в руках. Но свой хит — песню «Крейсер «Аврора» Шайнского и Матушевского — он поет, и люди подпевают ему. Много лет назад, в советские годы, я ненавидел эту песню, ненавидел гладеньких комсомольских певцов, которые пели с фальшивым тоном — естественным выражением их психики. Но сегодня, на квартирном концерте, проходящем без рекламы и афиш, похожем то ли на сходку первых христиан, то ли на сейшен ушедшего в подполье рока, эта песня звучит совсем по-другому.

В ней вдруг появляется сила. Это сила многотонных башенных орудий, сила патрулей в черных бушлатах, молча шагающих по ночному городу. Это сила вечных субстанций: предместий, трамваев, вокзалов, заводов. История в этот момент из абстракции и фикции становится чем-то мощным и живым, что надвигается, как океан. Времена заковыриваются, одна эпоха зубами вцепляется в хвост другой, образуя буддистский символ вечности: с такими же лицами и такими же голосами сто лет назад пели революционные песни пролетарии и опшеченцы на своих тайных маевках. За окном Москва, с флага новой нации глядит Джим Моррисон, и из-под дивана фосфоресцируют зеленые глаза серо-белого кота. Ногой в черном носке Ермен пристукивает по полу.

После концерта Ермен Анти стоит на лестничной клетке и терпеливо ждет, пока мы с директором «Адаптации» и единственным сотрудником лейбла «Выгород» Сашей Валединым распиваем из горла бутылку крымского портвейна. Потом выходим на пустую темную улицу. Ермен в черной куртке и черном берете с кожаным ободком. Странно, но сейчас, после концерта, в своей застегнутой под самое горло куртке он выглядит спокойным, умиротворенным человеком, про которого никак не скажешь, что он только что пел песни, агрессивные, как кирпичи, летящие в окно. Черный берет в эту ночь почему-то и вдруг делает его похожим на парижанина: европеец с узкими глазами и круглым лицом, панк, любящий советские песни, старожил дальних поездов и евразийских пространств, сам себе вручивший медаль «За измену Родине»: «Патриот мне сказал, что я конченный тип, а нацист подтвердил и добавил: «Он жил!».

Алия, его жена, рядом с ним. Она все время рядом с ним — в поездах, которые несут его из Актобинска в Москву и из Москвы в Казань, и в квартире на Шелковской, где в одной комнате сейчас живут семь человек музыкантов и их поклонников, и на концертах в залах провинциальных ДК, где пахнет потом и пивом. Сейчас Ермен с Алией идут по ночному проспекту вдвоем, отдельно от нас, прикинув плечами друг к другу, очень тихие и очень близкие.

Пожар в степи

Как он горел в Москве, у метро «Проспект Мира»



Ермен Анти. Рок-н-ролльный боец

Люди, пришедшие на концерт, слушают Ермена тихо и вдумчиво, так, словно он несет им новое тайное знание. У некоторых беззвучно шевелятся губы. В этом подполье бродят зыбкие образы то ли прошлого, то ли будущего мира.

Как там поет Ермен? «Страны третьего мира помнят историю Рима». И еще: «Время гнилых устоев — мельницы ждут героев».

Сегодня Ермен играет в Москве, завтра — в Казани. Поездки «Адаптации» по России включают десятки городов. Номеров в отелях он не бронирует, и вместо белого попсового лимузина с концерта на вокзал его везет автобус или метро. В эпоху сплошной коммерции дело Ермена держится не на деньгах, а на энтузиазме: энтузиасты организуют в разных городах залы и зальчики, другие энтузиасты достают билеты на поезда, третьи пускают музыкантов на ночлег в свои квартиры.

Говорить с ним о том, жив рок-н-ролл или мертв, неприлично: этим вопросом могут баловаться манерные мэтры и салонные гуру, но не он, рок-н-ролльный боец, живой извергающийся вулкан («этот вопрос мне по х...» — утверждает он в одной из своих песен). Он прокладывает свой классический рок-н-ролльный путь по темным углам и плохо освещенным закуткам страны. После его концерта невозможно смот-

нем перед концертом мы говорим с Ерменом в кафе на Шаболовской. На интервью он приходит с женой Алией, девушкой с тонким интеллигентным лицом, знающей два иностранных языка. В Актобинске она работает переводчицей в нефтяной компании. Она пьет чай из белого чайничка и молча слушает наши беседы. У нее тихая улыбка азиатской Мадонны.

Ермен говорит о том времени, из которого вырастают